

"Солнечные зайчики"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Морис Леблан

СОЛНЕЧНЫЕ ЗАЙЧИКИ

— Расскажите что-нибудь, Люпэн.

— Э, что бы Вам хотелось услышать? Моя жизнь для всех — как на ладони, — отозвался Люпэн, подремывавший на диване в моем рабочем кабинете.

— Ее не знает никто! — воскликнул я, — По тому или иному из ваших писем, напечатанных в газетах, известно, что Вы были замешаны в той или иной истории, что были зачинщиком еще какой-то... Но Ваша роль во всем этом, самая сущность происшедшего, течение каждой драмы — полностью неизвестны.

— Ба! Никому не интересные сплетни!

— Значит, никого не заинтересовал бы Ваш подарок — пятьдесят тысяч франков — жене Никола Дюгриваля? Или тот таинственный способ, с помощью которого Вы разгадали тайну трех картин?!

— Странная была загадка, действительно, — сказал Арсен Люпэн. — Могу даже предложить заглавие: «Знак тьмы».

— А Ваши успехи в свете? — добавил я. — И секрет Ваших добрых дел? Все эти случаи, на которые Вы нередко намекали в разговорах со мной и которым Вы давали названия: «Обручальное кольцо», «Бродячая смерть» и так далее... Сколько запоздалых признаний, мой бедный Люпэн! Наберитесь же храбрости...

Это было время, когда Люпэн, уже прославившийся, не принял еще участия во многих своих небывалых сражениях; время, предшествовавшее его великим похождениям в «Полой игле» и «813». Не думая еще о том, чтобы завладеть вековыми сокровищами французских королей или ограбить Европу под носом у кайзера, он довольствовался более скромными предприятиями и разумными доходами, добываемыми путем будничных усилий, творя зло изо дня в день, творя также и добро, в силу естественной потребности или любительских склонностей, как Дон Кихот, который чем-то забавляется или чем-то тронут.

Он молчал, и я повторил:

— Люпэн, прошу Вас!..

К моему удивлению, он отозвался:

— Возьмите, друг мой, карандаш и листок бумаги... Я повиновался, радуясь тому, что он продиктует мне наконец несколько тех страниц, в которые умел вложить столько воображения и воодушевления и которые мне, увы, приходилось портить неуклюжими пояснениями и нудным изложением.

— Готово? — спросил он.

— Конечно.

— Тогда пишите: 19—21—18—20—15—21—20.

— Что такое?

— Пишите, говорю Вам.

Он сидел на диване, повернувшись к открытому окну, катая в пальцах сигарету, набитую восточным табаком. И опять произнес:

— Пишите: 9—12—6—1.

Наступила пауза. Затем он продолжал:

— 21.

И после нового молчания:

— 20—6...

Может быть, он сошел с ума? Я взглянул на него и вдруг заметил, что в его глазах не было уже прежнего равнодушия, что в них появилось внимание, что они, казалось, следили за разворачивавшимся где-то в пространстве зрелищем, которое его увлекало.

Тем не менее он продолжал диктовать, с равными интервалами между числами:

— 21—9—18—5.

В окне не было видно ничего, кроме кусочка синего неба с правой стороны и фасада дома, стоявшего напротив, старинного особняка, чьи ставни, как обычно, были опущены. Ничего особенного, ни одной подробности, которая показалась бы мне необычной среди тех, которые приходилось видеть на протяжении долгих лет...

— 12—5—4—1.

И вдруг я понял... Скорее — подумал, что понял. Ибо было бы нелепым допустить, что такой человек, как Люпэн, столь рассудительный, в сущности, под маской неизменной иронии, был способен попусту тратить время на ребячество. Сомнения, однако, не оставалось, именно это он считал — повторяющиеся вспышки солнечного лучика, игравшего на потемневшем от времени фасаде старого дома, на уровне третьего этажа.

— 14—7, — объявил Люпэн.

Луч погас на несколько секунд, после чего, вспышка за вспышкой, снова выстрелил в фасад и опять исчез. Я машинально сосчитал, и сказал громко:

— 5.

— Вы тоже поняли? Bravo! — усмехнулся Люпэн. Он направился к окну, наклонился, словно для того, чтобы установить точное направление, по которому следовали вспышки; затем снова растянулся на диване, сказав мне:

— Теперь Ваша очередь. Считайте.

Я повиновался, настолько этот чертов парень выглядел знающим, к чему хотел прийти. Нельзя было, впрочем, не признать, что регулярность, с которой загорался лучик, вызвала любопытство, ибо напоминала ритмичные сигналы маяка.

Свет исходил, очевидно, от дома, расположенного на той стороне улицы, где находились мы,

так как солнечные лучи как раз косо падали в мои окна. Можно было подумать, что кто-то открывал и закрывал половинку окна, но скорее — развлекался, отбрасывая солнечные зайчики карманным зеркальцем.

— Это балуется ребенок! — воскликнул я несколько минут спустя, начиная испытывать раздражение от нелепого занятия, к которому меня приставили.

— Продолжайте!

И я продолжал считать... Выстраивал числа... А зайчик продолжал плясать передо мною с истинно математической размеренностью.

— Так что? — спросил Люпэн после несколько более продолжительной паузы.

— Честное слово, кажется, настал конец... Вот уже несколько минут — ничего...

Мы подождали, и поскольку никакие блики не появлялись более в видимом пространстве, я пошутил:

— Кажется, мы потратили время зря. Несколько цифр на листке бумаги — довольно жалкая добыча.

Не сдвинувшись с дивана, Люпэн заметил:

— Будьте теперь любезны, дорогой, заменить каждое из этих чисел той буквой алфавита, которая занимает в нем соответствующее место: А — как единица, Б — как двойка, а так далее!.

— Но это сплошной идиотизм.

— Совершенный идиотизм, но мы совершаем в нашей жизни столько идиотских поступков... Совершим же еще один.

Я смирился с перспективой приступить к этому нелепому занятию и поставил в ряд первые буквы: О—С—О—Б—Е—Н—Н—О...

Я остановился в удивлении:

— Слово! — воскликнул я. — Образовалось слово! [1]

Я продолжал, и следующие буквы составили другие слова, которые я отделял одно от другого по мере их появления. Вскоре, к моему величайшему изумлению, на моих глазах выстроилась целая фраза.

— Получилось? — спросил тут Люпэн.

— Действительно... Есть, однако, орфографические ошибки...

— Не обращайтесь, пожалуйста, на это внимания, прочитайте все не спеша...

И я прочитал неоконченную фразу такой, какой она передо мной предстала:

«Особенно надо уходить от опасности, избегать атаки, вступать в противоборство с вражескими силами с величайшей осторожностью, и...»

Я рассмеялся:

— Вот и стало все ясно! Еще бы! Нас просто ослепили эти солнечные зайчики! Правда, Люпэн, признайте, что сия череда благих пожеланий, нанизанных одно на другое какой-нибудь кухаркой, мало что Вам говорит.

Сохраняя презрительное безмолвие, Люпэн поднялся и взял в руки листок.

Впоследствии я вспоминал, что, в силу какой-то случайности, взглянул в ту минуту на часы. Стрелки показывали 5.18 пополудни.

Люпэн тем временем оставался на ногах, держа листок бумаги, и я смог в свое удовольствие убедиться в необыкновенно подвижной выразительности его такого еще молодого лица, в его переменчивости, способной поставить в тупик самого опытного наблюдателя и составлявшей его главную силу, главное средство самозащиты. На каких признаках следует задержаться, чтобы установить основные черты лица, которое преобразуется по желанию, даже без применения грима, у которого даже мимолетное выражение кажется прирожденным? На каких чертах? Был только один знак, который я знал, неснимаемый: две небольшие скрещивающиеся морщины, которые проступали на лбу, когда он проявлял к чему-нибудь усиленное внимание. Я увидел их в ту минуту, отчетливые и глубокие, крохотный разоблачительный крестик.

Он отложил листок и проговорил:

— Детская забава!

Пробило пять часов тридцать минут.

— Неужто! — воскликнул я. — За двенадцать минут Вы все успели!

Он прошелся по комнате, закурил сигарету и сказал:

— Окажите мне услугу, позвоните по телефону барону Репстейну и предупредите, что я буду у него в десять часов вечера.

вернуться

1

Читатель должен помнить, что в оригинальном тексте использовались французские слова.

— Барону Репстейну? — переспросил я. — Супругу известной баронессы?

— Да.

— И дело серьезное?

— Очень.

Совершенно сбитый с толку, incapable ему возразить, я раскрыл телефонную книгу и снял трубку. Но в эту минуту Люпэн остановил меня властным жестом и сказал, по-прежнему глядя на листок, который опять поднял со стола:

— Нет, не надо ничего говорить... Нет смысла его предупреждать... Есть нечто более срочное... Нечто странное, что меня заинтриговало... Почему, черт возьми, эта фраза не была окончена? Почему эта фраза...

Он торопливо схватил шляпу и трость.

— Пойдемте. Если я не ошибаюсь, это дело требует немедленного решения, а я не думаю, что ошибаюсь.

— Вы что-нибудь знаете?

— Пока — ничего.

На лестнице, взяв меня под руку, он сказал:

— Я знаю то же, что и все. Барон Репстейн, финансист и спортсмен, чья лошадь Этна в этом году победила на скачках в Эпсоме и взяла Гран-при в Ланшанне, барон Репстейн стал жертвой своей жены. Широко известная своими белокурыми волосами, шикарными туалетами и роскошью, она сбежала пятнадцать дней тому назад, забрав с собой сумму в три миллиона, похищенную у мужа, и целую коллекцию бриллиантов, жемчугов и драгоценностей, доверенную ей княгиней де Берни, которую якобы собиралась купить. На протяжении двух недель за баронессой гонятся по Франции и всей Европе, что не так уж трудно, поскольку она усеивает свой путь золотом и драгоценностями. Всем кажется, что ее вот-вот задержат. Не далее как позавчера, в Бельгии, наш национальный сыщик, неутомимый Ганимар, подобрал в одном из больших отелей путешественницу, против которой накапливались самые непровержимые улики. Когда же навели справки, выяснилось, что это была известная актриса, Нэнси Дарбель. Баронесса оставалась неуловимой. Барон Репстейн назначил премию в сто тысяч франков тому, кто поможет найти его жену. Деньги находятся в руках нотариуса. С другой стороны, чтобы компенсировать потери княгини де Берни, он продал оптом свои скаковые конюшни, особняк на бульваре Османн и замок в Рокенку-Ре.

— И стоимость их продажи, — добавил я, — должна быть вскоре выплачена. Завтра, как утверждают газеты, княгиня де Берни получит деньги. Только я действительно не вижу связи между этой историей, мастерски резюмированной Вами, и той загадочной фразой...

Люпэн не снизошел до ответа.

Мы проследовали по улице, на которой я жил, и прошли еще сто пятьдесят или двести метров, когда он сошел с тротуара и принялся рассматривать дом довольно старой постройки, где обитало, по-видимому, много жильцов.

— По моим расчетам, — заявил он, — именно отсюда посылались сигналы, несомненно — из вот этого, еще открытого окна.

— На четвертом этаже?

— Да.

Он направился к консьержке и спросил:

— Не поддерживает ли один из Ваших квартиросъемщиков отношения с бароном Репстейном?

— Ну как же! Конечно! — воскликнула добрая женщина. — У нас живет этот славный господин

Лаверну, который служит секретарем и управляющим у барона. Я помогаю ему вести его скромное хозяйство.

— И можно его повидать?

— О! Не знаю...

— Почему же не знаете?

— Повидать его? Но он очень болен, этот бедный господин.

— Болен?

— Вот уже пятнадцать дней... С той самой истории, которая случилась с баронессой. На второй день он вернулся с сильной лихорадкой и слег.

— Но он все-таки поднимается?

— О! Этого я не знаю.

— Как так — не знаете?

— Его доктор запрещает к нему входить. Он забрал у меня даже ключ.

— Кто забрал?

— Да доктор же. Он сам приходит для того, чтобы за ним ухаживать, два или три раза на день. Да вот, он как раз вышел из дома, минут двадцать назад, старик с седой бородой и в очках, такой сгорбленный... Но куда вы, мсье?

— Иду наверх, ведите меня, — сказал Люпэн, который двинулся уже бегом к лестнице. Четвертый этаж, слева, не так ли?

— Но мне туда нельзя! — стонала добрая женщина, следуя за ним. — А потом, у меня нет ключа, потому что доктор...

Один за другим, они поднялись наверх. На площадке Люпэн вынул из кармана небольшой инструмент и, несмотря на протесты консьержки, ввел его в отверстие замка. Дверь поддалась почти сразу. Мы вошли.

В конце темной комнаты виднелся свет, проникавший сквозь приоткрытую дверь. Люпэн бросился вперед и, уже с порога, издал крик:

— Слишком поздно! Ах, сто чертей!

Консьержка рухнула на колени, словно в обмороке.

Войдя в свою очередь в комнату, я увидел на ковре полураздетого человека, который лежал с подогнутыми ногами, с вывернутыми руками, с мертвенно бледным лицом, исхудалым до костей, чьи глаза сохранили выражение ужаса, а рот застыл в устрашающей конвульсии.

— Он мертв, — сказал Люпэн после беглого осмотра.

— Но как же так? — воскликнул я. — Ведь следов крови нет!

— Нет, есть, — возразил Люпэн, показывая на груди раненого выступавшие изза полурасстегнутой рубахи две или три красные капельки. — Его, по-видимому, схватили одной рукой за глотку, а второй — укололи в сердце. Говорю «укололи», так как рана действительно незаметна. Можно подумать — отверстие, проделанное очень длинной иглой.

Он пошарил взором вокруг трупа. Там ничего не могло привлечь внимания, кроме небольшого карманного зеркальца, маленького зеркальца, которым г-н Лаверну забавлялся, посылая из окна солнечные зайчики.

Но вдруг, когда консьержка принялась снова причитать и звать на помощь, Люпэн набросился на нее.

— Молчать! И слушайте меня! Слушайте и отвечайте... Это чрезвычайно важно. У господина Лаверну на этой улице был приятель, не так ли? На этой стороне улицы, направо? Близкий друг?

— Да.

— Его имя?

— Мсье Дюлатр.

— Адрес?

— Номер 92.

— Еще два слова: тот старый врач с седой бородой и в очках, о котором вы говорили, приходит давно?

— Нет. Я его не знала. Он пришел в тот же вечер, когда господин Лаверну заболел.

Не говоря ни слова, Люпэн опять потащил меня за собой, спустился вниз и, оказавшись на улице, повернул направо, из-за чего пришлось пройти мимо моей квартиры. Миновав еще четыре дома, он остановился перед № 92, небольшим низким домиком, чей первый этаж был занят виноторговцем, который как раз курил свою трубку на пороге лавки, рядом с подъездом. Люпэн осведомился о том, дома ли господин Дюлатр.

— Мсье Дюлатр уехал, — отвечал коммерсант, — с полчаса назад... он выглядел необычно взволнованным и взял даже автомобиль, что не входит в его привычки.

— И Вы не знаете...

— Куда он спешил? Ей-богу, тайны тут не может быть. Он довольно громко выкрикнул адрес: «В полицейскую префектуру!» — вот что крикнул он шоферу.

Люпэн хотел было сам позвать такси, но передумал, и до меня донеслись его слова:

— Нет смысла, он намного нас опередил!.. Затем он спросил, не приходил ли кто-нибудь сюда после ухода господина Дюлатра.

— А как же, приходил. Пожилой господин с седой бородой, который поднялся к мсье Дюлатру, позвонил, а затем — удалился.

— Благодарю Вас, мсье, — сказал Люпэн с поклоном.

Он двинулся дальше медленным шагом, храня молчание, с озабоченным видом. Не было сомнения, что проблема казалась ему очень трудной, что не прояснились еще потемки, в которых он, однако, так уверенно находил дорогу.

Впрочем, он и сам это признал:

— В таких делах требуется более интуиция, чем рассудок. Но это дело стократ стоит того, чтобы им заняться.

Мы добрались между тем до бульваров. Люпэн вошел в читальный зал и долго рылся в газетах последних двух недель. Время от времени он бормотал:

— Да... Да... Не более чем предположение... Но им объясняется все... Гипотеза, отвечающая на все вопросы, не может быть далекой от истины...

Стемнело. Мы поужинали в небольшом ресторане, и я заметил, что лицо Люпэна постепенно проясняется. Его жесты стали более решительными. К нему возвращалось доброе настроение, оживление. Когда мы вышли и потом, на пути к дому барона Репстейна по бульвару Османн, со мной опять шел Люпэн, каким он выглядел, когда был в ударе, Люпэн, принявший решение действовать и выиграть бой.

Чуть не доходя улицы Курсель мы замедлили шаг. Барон Репстейн жил слева, между этой магистралью и улицей Фобур Сэнт-Оноре, в трехэтажном особняке, чей фасад, украшенный колоннами и кариагидами, был уже виден,

— Стоп! — сказал вдруг Люпэн.

— Что такое?

— Еще одно доказательство, подтверждающее мое предположение...

— Какое еще доказательство? Я ничего не вижу.

— Зато вижу я... Этого достаточно... Он поднял ворот своего сюртука, опустил поля мягкой шляпы и молвил:

— Тысяча чертей, сражение будет жестоким. Ступайте домой, дружище, и ложитесь спать. Завтра получите отчет о моей экспедиции... если она будет стоить мне жизни.

— Что-что?!

— Хо-хо, риск для меня достаточно велик. Сперва — арест, но это еще пустяки. Затем — смерть, а это уже хуже... Однако...

Он с силой сжал мое плечо.

— Есть еще одно, чем я рискну, — возможностью положить в карман пару миллионов... И тогда я смогу сделать ставку на такую сумму, — поглядим, чего я стою, а чего — нет. Спокойной ночи, дорогой друг, и, если более не увидимся...

И он продекламировал две строки:

Посадите на могиле иву.

Я люблю ее зеленый плач...

И тут же удалился.

Три минуты спустя, — я продолжаю рассказ по тому сообщению, которое он любезно сделал мне назавтра, — три минуты спустя Люпэн позвонил в парадную дверь особняка барона Репстейна.

— Господин барон дома?

— Да, — отвечал слуга, с удивлением разглядывая пришельца, — но господин барон в такое время никого не принимает.

— Господин барон знает о том, что его управляющий Лаверну убит?

— Конечно.

— Тогда позвольте передать ему, что я пришел в связи с этим убийством, и нельзя терять ни минуты. Сверху до них донесся голос:

— Пропустите, Антуан!

Услышав приказ, отданный повелительным голосом, слуга провел Люпэна на второй этаж. Там была уже открыта дверь, на пороге которой ждал хозяин. Люпэн его сразу узнал — в газетах часто появлялись фотографии барона Репстейна, супруга знаменитой баронессы и владельца Этны, самой известной лошади года.

Это был очень высокий широкоплечий мужчина, чье бритое лицо, выражавшее любезность и чуть даже тронутое улыбкой, не скрывало тем не менее затаившейся в глазах глубокой грусти. Он был в элегантно сшитом костюме, в жилете из коричневого бархата; на его галстук Люпэн заметил жемчужину, несомненно — огромной ценности.

Он пригласил Люпэна в свой рабочий кабинет, большое помещение с тремя окнами, обставленное книжными шкафами, зелеными шкафчиками для бумаг, американским письменным столом и сейфом. И сразу, с заметной поспешностью, спросил:

— Вам что-нибудь известно?

— Да, господин барон.

— В связи с убийством бедняги Лаверну?

— Да, господин барон, а также в связи с судьбой госпожи баронессы.

— Может ли это быть?!.. Говорите скорее, прошу Вас...

Он пододвинул стул. Люпэн сел и начал:

— Обстоятельства весьма серьезны, господин барон. Я буду краток.

— К делу! К делу!

— Так вот, господин барон, в нескольких словах и без долгого предисловия. Недавно Лаверну, в течение пятнадцати дней содержавшийся в своего рода заключении собственным врачом, Лаверну — как бы это сказать? — телеграфным способом передал некоторые разоблачения с помощью сигналов, которые я частью записал и которые навели меня на объяснение этого

дела. Но сам он был застигнут на середине своего сообщения и убит.

— Но кем же? Кем?

— Своим врачом.

— Имя этого врача?

— Мне оно неизвестно. Но один из друзей господина Лаверну, господин Дюлатр, тот самый, с кем он установил таким способом контакт, должен его знать и должен также знать точное и полное содержание сообщения, так как, не дожидаясь его окончания, он вскочил в автомобиль и помчался в полицейскую префектуру.

— Зачем же? Зачем? И каков исход его обращения?

— Исход, господин барон, таков, что Ваш особняк окружен. Двенадцать агентов прогуливаются под Вашими окнами. С восходом солнца они войдут и именем закона арестуют виновного.

— Убийца Лаверну прячется в этом особняке? Один из моих слуг? Но нет, ведь вы говорили о враче!..

— Позволю себе заметить, господин барон, что, отправляясь в префектуру с сообщением своего друга Лаверну, мсье Дюлатр не знал еще, что Лаверну с минуты на минуту будет убит. Обращение господина Дюлатра было связано с совсем другим обстоятельством.

— А именно?

— С исчезновением госпожи баронессы, тайну которого он узнал из сообщения Лаверну.

— Боже! Что-то наконец известно! Баронесса найдена! Где же она? Где деньги, которые она у меня похитила?

Барон Репстейн говорил в чрезвычайном возбуждении. Он поднялся и надвинулся на Люпэна.

— Договаривайте же, мсье! Я не в силах более ждать. Люпэн продолжал медленно, нерешительным голосом:

— Дело в том... Что... Объяснение становится трудным... Поскольку мы с вами исходим из совершенно противоположных точек зрения...

— Я вас не понимаю.

— Надо, однако, понять меня, господин барон... Установлено, не так ли, — я ссылаюсь на сообщения прессы, — установлено, что баронесса Репстейн делила с Вами тайны всех Ваших дел, что она могла открывать не только этот несгораемый шкаф, но также тот сейф в банке Лионского кредита, в котором Вы хранили все ваши ценности.

— Это так.

— Но пятнадцать дней тому назад, вечером, когда Вы находились в клубе, баронесса Репстейн, присвоившая все эти ценности без Вашего ведома, вышла отсюда с дорожной сумкой, в которой находились как все Ваши деньги, так и драгоценности княгини де Берни?

— Да.

- И с тех пор ее больше не видели?
- Нет.
- Так вот, существует важная причина того, что ее более не видели.
- Какая же?
- Баронесса Репстейн убита.
- Убита! Баронесса! Вы сошли с ума.
- Убита, причем, по-видимому, нынешним вечером.
- Повторяю, Вы сошли с ума! Как она могла быть убита, если сыщики идут по ее следам, так сказать, шаг за шагом?
- По следам другой женщины.
- Какой это женщины?
- Сообщницы убийцы.
- Но кто же он сам?
- Тот самый человек, который в течение пятнадцати дней, зная, что Лаверну, в силу того положения, которое он занимал в этом особняке, раскрыл истину, держал его взаперти, принудил к молчанию, угрожал ему, запугивал; тот самый, который, застав Лаверну, передающего свое сообщение приятелю, хладнокровно устранил его ударом стилета.
- Значит, это доктор?
- Да.
- Но кто же этот доктор? Кто этот преступный гений, это дьявольское существо, которое появляется и исчезает, убивает во мраке, и не вызывает ничьих подозрений?
- Вы об этом не догадываетесь?
- Нисколько!
- И хотите знать?
- Хочу ли! Вы знаете, где он скрывается?
- Да.
- В моем особняке?
- Да.
- И полиция разыскивает его?
- Вот именно.

— Кто же это?

— Вы сами.

— Я?!

Не прошло десяти минут с тех пор, как Люпэн и барон впервые встретились, а поединок уже начался. Обвинение было высказано, точное, резкое, беспощадное.

Он повторил:

— Вы сами, снабженный фальшивой бородой и парой очков, сгорбившись пополам, как глубокий старик. Короче говоря. Вы, барон Репстейн; и это Вы, по весомой причине, о которой никто и не подумал, ибо если это дело не было бы задумано Вами лично, оно осталось бы необъяснимым. Поскольку же баронессу убили Вы, чтобы избавиться от нее и тратить Ваши общие миллионы с другой женщиной, поскольку Вы убили также управляющего Лаверну, дабы устранить опаснейшего для Вас свидетеля... О, в таком случае все находит объяснение!

Барон, который в начале разговора стоял, наклонившись к незваному гостю, с лихорадочной жадностью ловя каждое его слово, — барон теперь выпрямился и глядел на Люпэна, будто перед ним действительно был безумец. Когда же тот окончил свою речь, он отступил на два или три шага, словно для того, чтобы произнести слова, которые, в конце концов, так и не прозвучали. Затем он направился к камину и позвонил.

Люпэн не пошевелился. Улыбаясь, он ждал.

— Можете ложиться спать, Антуан, — сказал барон появившемуся слуге. — Я провожу мсье.

— Тушить ли свет, мсье?

— Оставьте его в вестибюле.

Антуан ушел. А барон, вынув из письменного стола револьвер, вернулся к Люпэну, положил оружие в карман и спокойно объявил:

— Простите, мсье, за эту маленькую предосторожность, к которой я принужден на тот маловероятный случай, если Вы действительно — сумасшедший. Нет, конечно. Вы не сумасшедший. Но вы пришли сюда с целью, которую я не в силах понять, и бросили мне такое невероятное обвинение, что мне хотелось бы непременно узнать его причину.

Его голос выдавал глубокое волнение; печальные глаза, казалось, наполнились слезами.

Люпэна охватила дрожь. Неужто он ошибся? Гипотеза, подсказанная ему интуицией, покоилась на хрупкой основе незначительных фактов; неужто она оказалась ложной? Но тут его внимание привлекла деталь: в разрезе жилета он заметил острие булавки, воткнутой в галстук барона, и убедился таким образом, что в ее необычной длине. Золотой стебелек, к тому же, был трехгранным и представлял своего рода кинжал, очень тонкий и изящный, но в опытных руках — смертельно опасный.

Теперь Люпэн уже не сомневался в том, что именно эта булавка, украшенная великолепной жемчужиной, стала тем оружием, которое пробило сердце несчастного Лаверну.

Он тихо сказал:

— Вы дьявольски сильны, господин барон.

Сохраняя серьезный вид, барон по-прежнему молчал, словно ждал объяснений, на которые имел несомненное право. Несмотря на все, его поведение все еще смущало Люпэна.

— Да, дьявольски сильны. Так как вполне очевидно, что баронесса, реализовав Ваши ценности, действовала по Вашим же указаниям, точно так же, как в тот день, когда взяла, будто для покупки, драгоценности княгини. Вполне очевидно также, что женщина, вышедшая из Вашего дома с дорожной сумкой, была не Вашей женой, но сообщницей, вероятно — любовницей, и эта Ваша любовница намеренно увлекает за собой через всю Европу целый хвост преследователей, возглавляемых нашим добряком Ганимаром. Комбинация, надо сказать, замечательная. Чем рискует эта женщина, поскольку разыскивают не ее, а баронессу? И кого стали бы искать, кроме баронессы, поскольку Вы назначили премию в сто тысяч франков тому, кто найдет именно Вашу жену? О! Сто тысяч франков, доверенных нотариусу, — какой гениальный ход! Господин, депонирующий сто тысяч франков у нотариуса, не может лгать. И разыскивать продолжают баронессу. И предоставляют Вам возможность спокойно доделать свои делишки, подороже продать Ваших скакунов, обстановку особняка, получше подготовиться к бегству. Боже, как это все нелепо.

Барон не дрогнул. Он приблизился к Люпэну и молвил с прежней невозмутимостью:

— Кто Вы такой?

Люпэн рассмеялся.

— Какое это, при данных обстоятельствах, может иметь значение для Вас? Предположим, что я — посланец судьбы и явился из мрака неизвестности, чтобы Вас погубить.

Он резко поднялся, схватил барона за плечо и бросил ему в лицо прерывистыми словами:

— Либо чтобы спасти тебя, барон. Послушай же. Три миллиона баронессы, почти все драгоценности княгини, деньги, которые ты получил сегодня за свои конюшни и недвижимое имущество, — все это тут, в твоём кармане или в этом сейфе. Ты готов к побегу. Там, за портьерой, виден твой чемодан. Бумаги на твоём столе в порядке. Этой ночью ты должен исчезнуть на английский манер — не прощаясь. Этой ночью, тщательно загримированный, неузнаваемый, со всеми мыслимыми предосторожностями, ты должен присоединиться к своей любовнице — той, ради которой убивал; и это, несомненно, Нэнси Дарбель, та самая женщина, которую Ганимар задерживал в Бельгии. Есть одно лишь препятствие — внезапное, непредвиденное, — полиция, двенадцать полицейских, которых под твои окна привели разоблачения Лаверну. Ты сгорел! Так вот, я тебя спасу. Один звонок по телефону, и к трем или четырем часам утра два десятка моих друзей устранят появившуюся на твоём пути преграду, выведут из игры двенадцать агентов префектуры, — и дело сделано, мы смываемся без лишнего шума. В качестве условия — пустяк, для тебя малозначащий, — раздел миллионов и драгоценностей. Идет?

Он наклонился к барону и внулшал ему это с неодолимой энергией. Тот прошептал:

— Начинаю понимать. Это шантаж.

— Шантаж или нет, называй как хочешь, любезный, — надо поступать так, как я решил. И не думай, что в последнюю минуту я сломаюсь. Не говори себе: «Это джентльмен, которого страх перед полицией заставит призадуматься. Если я рискую, отказывая ему, он тоже рискует — ему грозят наручники, камера, все беды мира, ибо на нас обоих идет травля, как на диких

зверей». Ошибка, господин барон. Я всегда сумею выпутаться. Так что речь теперь единственно о тебе. Либо — все пополам, либо — эшафот. Идет?

Резкое движение. Барон высвободился, выхватил револьвер и выстрелил.

Но Люпэн предвидел нападение, тем более что черты барона утратили свою уверенность и постепенно, под воздействием страха и ярости, приняли свирепое, почти скотское выражение, которое свидетельствовало о приближении до сих пор сдерживаемого взрыва.

Барон выстрелил дважды. Люпэн вначале отскочил в сторону; затем бросился ему под ноги, схватил и опрокинул. Резким усилием барон снова высвободился. Противники схватились врукопашную; борьба стала жестокой, упорной, яростной.

Вдруг Люпэн почувствовал боль на уровне груди.

— Ах, проклятый! — заорал он. — Так было с Лаверну! Булавка!

Он в отчаянном напряжении скрутил барона и схватил его за глотку, побеждая, окончательно овладевая положением.

— Болван! Не раскрой ты свои карты, я мог бы еще отказаться от партии. У тебя, черт тебя побери, такое честное лицо! А какие мускулы, господи! Был момент — я уже подумал... Но теперь ты в моих руках. Давайте, друг мой, свою булавку... А теперь — улыбочку... Ну нет, это просто гримаса, может быть я слишком вас прижал? Мсье может и дуба дать? Спокойно, спокойно... Теперь — веревочку на запястья... Вы позволите?... Боже, какое между нами теперь согласие! Я просто тронут!.. Сказать по правде, у меня к тебе возникает настоящая симпатия... А сейчас, братец, мой, внимание! Прошу тысячу раз прощения!

Он наполовину выпрямился и изо всех сил нанес барону сокрушительный удар под диафрагму. Тот захрипел, потерял сознание, затих.

— Вот к чему приводит отсутствие логики, милый друг, — сказал Люпэн. — Я предлагал тебе целую половину твоих богатств. Теперь ты не получишь ничего... если только что-нибудь выпадет на мою долю. Так что главное — в этом. Куда этот сукин сын спрятал свои деньжонки? В этот сейф? Черт возьми, найти будет нелегко. К счастью, впереди у нас — целая ночь...

Он обшарил карманы барона, взял связку ключей; убедившись в том, что чемодан, спрятанный за портьерой, не содержит драгоценностей и бумаг, он направился к несгораемому шкафу.

Но в эту минуту остановился: где-то слышался сильный шум. Слуги? Невозможно, их мансарды находились на самом верху здания. Он прислушался. Грохот доносился снизу. И он вдруг понял: услышав оба выстрела, полицейские ломились в парадную дверь, не ожидая более утра.

— Дьявольщина! — воскликнул он, — я попался! Эти милые господа являются в ту минуту, когда мы должны были пожать плоды наших добросовестных трудов! Спокойно, спокойно, Люпэн, сохраняйте хладнокровие. В чем задача? За двадцать секунд открыть несгораемый шкаф, запоры сейфа, секрет которых тебе неизвестен. Потерять голову из-за такого пустяка? Давай, надо только найти секрет. Сколько же букв в этом слове? Всего четыре?

Он продолжал размышлять, разговаривая, но также слушая передвижения, происходившие снаружи. Заперев на два оборота дверь в прихожую, он вернулся к сейфу.

— Четыре цифры... Четыре буквы... Четыре буквы... Кто мог бы, черт возьми, малость

подсобить? Самую малость? Кто?.. Да Лаверну, черт возьми! Бедняга Лаверну, который принял решение, рискуя жизнью, воспользовался оптическим телеграфом. Боже, какой я болван! Ну да, ну да, теперь мы у цели. Дьявол, я чересчур волнуюсь. Люпэн, надо считать до десяти и унять слишком быстрые биения твоего сердца. Иначе работа не будет успешной...

Сосчитав до десяти и совершенно успокоившись, он опустился на колени перед несгораемым шкафом и начал с пристальным вниманием раскручивать рукоятки запора. Перебрав ключи в связке, выбрал один, затем — второй, и безуспешно пытался ввести их в замок.

— На третьей попытке приходит успех, — прошептал он, пробуя третий ключ. — Победа! Третий действует! Сезам, откройся!

Замок щелкнул. Дверца пришла в движение. Люпэн потянул ее на себя, одновременно высвобождая ключи.

— Миллионы — мои, — сказал Люпэн. — не сердитесь, господин барон!

Но тут он одним прыжком отскочил далеко назад, издав крик ужаса. Колени его подогнулись. Ключи со зловещим брэнчанием сталкивались в его дрожащей руке. И двадцать, тридцать секунд, несмотря на грохот, поднятый внизу, на отчаянные звонки, раздававшиеся во всем особняке, он стоял, окаменевший, выпучив глаза, глядя на представшую ему ужасную, невероятную картину — полуодетый женский труп, согнутый вдвое в шкафу, втиснутый в сейф, как слишком большой, с трудом вмещавшийся тук... И светлые волосы, свисавшие с головы... И кровь...

— Баронесса! — пролепетал он. — Баронесса! Ах, чудовище!

Стряхнув оцепенение усилием воли, он плюнул в лицо убийце, пнул его несколько раз ногой.

— Получай, скотина! Получай, каналья! Будет тебе эшафот... Будет тебе корзина с отрубями!... [2]

В это время, однако, с верхних этажей, в ответ на призывы полицейских, стали доноситься громкие крики. Слышался топот людей, сбегавших вниз по лестнице. Пора было подумать об отступлении.

Люпэна это тревожило мало. Во время разговора с бароном по спокойствию противника он успел понять, что в особняке существует незаметный выход. Разве барон вступил бы с ним в борьбу, не будучи уверен, что сможет ускользнуть от полиции?

Люпэн прошел в соседнюю комнату. Она выходила в сад. В ту самую минуту, когда слуги впустили агентов, он перелез через перила балкона, соскользнул вниз по водосточной трубе. Он обошел вокруг построек. Впереди оказалась стена, обсаженная кустарниками. Он вошел в пространство между ними и стеной, отыскал калитку, которую отпер ключом из связки. Осталось только пройти еще двор, пустые комнаты какого-то флигеля и, несколько минут спустя, он был уже на улице Фобур-Сант-Оноре. Полиция, конечно, не предусмотрела существование этого выхода.

— Так что же Вы скажете о бароне Репстейне? — воскликнул Люпэн, поведав мне обо всех подробностях той трагической ночи. — Бог ты мой! Какая страшная личность! И с каким недоверием надо порой относиться к внешности! Могу поклясться, у него был вид вполне честного человека!

Я спросил:

— Но... как же насчет миллионов? Драгоценностей княгини?

— Они были в сейфе. Хорошо помню, я видел тот пакет.

— И что же?

— Там они и остались.

— Неужто!

— Честное слово там и остались. Я мог бы сказать, что испугался полиции, что мне помешала вдруг совесть... Действительность более буднична... Более прозаична, что ли, друг мой: это слишком скверно пахло.

— Что-что?

— Да, уважаемый, дело было в запахе, который шел от этого несгораемого шкафа, от этого железного гроба... Нет, я не смог. Закружилась голова... Еще секунда — мне стало бы плохо. Идиотский случай, не так ли? Смотрите же, перед Вами — все, что я добыл в своей экспедиции, — булавка для галстука. Такая жемчужина стоит не менее пятидесяти тысяч франков... Тем не менее, должен признаться: я дьявольски разочарован. Какая неудача!

— Еще один вопрос, — продолжал я. — Пароль к сейфу.

— А что?

— Как Вы его угадали?

— О, без особого труда. Странно даже, что я не подумал об этом раньше.

— Короче?

— Ключ содержался в телеграфных посланиях бедняги Лаверну.

— Как то есть?

— Ну да, друг мой, орфографические ошибки...

— Орфографические ошибки?

— Тысяча чертей, они ведь были намеренными! Можно ли допустить, что секретарь, управляющий такого богача допускал такие промахи? Чтобы он написал «fuire» с лишним «е», «ataque» с одним «t», «enemies»; с одним «n» и «prudance» с буквой «a» вместо «e»? Это сразу вызвало у меня удивление. Я соединил эти четыре буквы и получил слово «ETNA», то есть имя прославившейся лошади.

— И этого оказалось достаточно?

— Еще бы! Достаточно, чтобы навести меня на след дела Репстейна, о котором кричали все газеты, чтобы вызвать у меня догадку, что это был пароль к сейфу, так как, с одной стороны, Лаверну было известно страшное содержимое несгораемого шкафа, а с другой — он разоблачил барона. И так, наконец, я пришел к предположению, что у Лаверна на той же

улице жил друг, что оба были завсегдатаями одного и того же кафе, что они развлекались, расшифровывая загадки, в том числе криптографические, в иллюстрированных журналах, что они забавлялись также, посылая друг другу сообщения солнечными зайчиками.

— Неужто, — воскликнул тут я, — все так просто!

— Даже слишком. И это приключение доказывает еще раз, что в раскрытии преступлений есть нечто более высокое, чем исследование фактов, наблюдение, дедукция, рассуждения и прочие благоглупости; это, повторяю, интуиция... Интуиция и ум. И у Вашего Арсена, скажу не хвастая, никогда не было недостатка ни в первом, ни во втором.

вернуться

2

Корзину с отрубями приставляли к гильотине — в нее падала голова казненного.